

Письменная позиция в прениях сторон

В настоящем уголовном деле в удивительном и нерушимом единстве слились следственная и судебная фантазия. Сначала следственный комитет виртуозно смоделировал конструкцию организации насилия против представителей власти, позднее в отсутствие доказанных фактов экстремистской деятельности – организацию экстремистского сообщества и участие в нем, а позже справедливый, надо сказать, судебный процесс в Кисловодском городском суде с легкой руки председательствующего превратил псевдо-доказательства обвинения в относимые, допустимые и достоверные.

Непризнание вины Чемурзиевым Б., Барахоевым А., Ужаховым М., Мальсаговым М., Саутиевой З, Нальгиевым И., Хаутиевым Б. формирует и их позицию. В деле нет доказательств организации насилия в отношении представителей власти, наоборот – лишь свидетельства попыток удержать протест в мирном русле. Конструкция, которую соорудил следственный комитет, ущербна изначально. Столкновения с силовиками произошли 27 марта 2019 г. из-за их же (силовиков) провокации, не было бы «оттеснения» граждан, не было бы и ответа. Фактически те конфликты, в результате которых силовики «испытывали физическую боль и претерпели моральный вред», не что иное, как множественность отдельных и не связанных между собой консолидацией поступков со стороны участников митинга. Люди защищались, горячились, ответили силой на силу. Никакого согласованного варианта «насилия» нет и не было, а квалификация деяний семерки в корне ошибочна. Невозможно организовать коллективное насилие, призывая к его недопущению и прекращению, кроме того, уже давно состоялись приговоры, которыми участники признаны виновными в причинении вреда здоровью, не опасного для жизни, есть только один по ч. 2 ст. 318 УК.

Уголовное дело обнажило использование засекреченных свидетелей и даже свидетелей-политологов, допрос которых в суде подтвердил искусственный характер обвинений, направленных исключительно на устранение активной части граждан республики, которые позволили себе противостоять курсу властей на реформирование системы референдума и кулуарное изъятие исторических территорий. Противостоять и бороться-не значит воевать, но без маленькой, быстрой и победоносной атаки правоохранительных органов никого нельзя было сделать врагами и изгоями, поэтому и случился этот долгоиграющий следственно-прокурорский перформанс. Когда со своим народом не получилось договориться через

демократические процедуры, его отправили в застенки.

Особо тяжкая статья 212 УК РФ, которую сразу возбудили по факту в марте 2019 года, к счастью, не прошла. Но ведь нельзя же было отправить в суд сомнительное во всех смыслах обвинение “организаторов” по части 2 ст. 318, потому что был только один обвиняемый по ней, остальных переквалифицировали. Ставшая мемом фраза “суд разберётся” ломает все доводы и логику. Поэтому и появилась ст. 282.1 УК об организации и участии в экстремистском сообществе. Ужахов М., Барахоев А., и Мальсагов М. обвинены в его создании, а Чемурзиев Б., Саутиева Э., Нальгиев И., Хаутиев Б. - в участии. “Преступные роли” экстремистов попытались расписать подробно, используя несколько комментариев к уголовному кодексу, но не потрудившись хоть как-то конкретизировать сухую теорию на практике. Всех же объединила опять пресловутая политическая вражда к Евкурову, и сообщество, якобы, действовало с целью побуждения граждан к противоправной деятельности, в том числе преступлений, предусмотренных ст. 318 УК РФ.

Обвинения в организации экстремистского сообщества и участии в нем состоялись «вдогонку», факультативно, в следственном комитете листали уголовный кодекс и искали дополнительные статьи, в которых можно было обвинить, чтобы совсем уж наверняка. Нашли экстремизм. Судебный процесс, при этом, выявил совершенно уникальную вещь, которую в таком идеальном варианте не часто встретишь – *массивные доказательства обвинения... странным образом доказывают отсутствие составов преступлений, потому что эти доказательства само обвинение и разрушает.*

Этим же характеризуется и приговор Кисловодского городского суда. Нет ничего проще, чем найти в приговоре цитаты, тезисы и утверждения, которые, по мнению суда, вину доказывают, и потом найти доказательства, на которые суд ссылается в обоснование виновности и увидеть... их полное несоответствие выводам о виновности.

Согласно описательно-мотивировочной части приговора, «Ужахов М.М., являясь руководителем некоммерческой организации – Совет тейпов, а Барахоев А.О. ее участником, а также Мальсагов М.А., являющийся Председателем Ингушского республиканского отделения Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест», не позднее мая 2018 года объединенные между собой политической враждой к действующему на тот период Главе Республики Ингушетия Евкурову Ю.Б.Б., с целью его смещения с занимаемого поста, создали экстремистское сообщество, то есть, организованную группу лиц для подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности, а именно преступлений, направленных на применение насилия к представителям власти, совершенных по мотивам политической вражды, а также руководили

таким экстремистским сообществом. Кроме того, в целях создания условий для совершения указанного выше преступления экстремистской направленности Ужахов М.М. являясь руководителем некоммерческой организации – Совет тейпов, а также ее участник Барахоев А.О. совершили действия направленные на побуждение граждан к совершению противоправных деяний, воспрепятствования законной деятельности представителей власти, разжигания социальной розни и политической вражды к лицам, осуществляющим функции представителей власти Республики Ингушетия. Впоследствии в созданное Ужаховым М.М., Барахоевым А.О. и Мальсаговым М.А. экстремистское сообщество в разное время вошли Нальгиев И.М., Чемурзиев Б.А., лицо уголовное дело, в отношении которого выделено в отдельное производство, /далее по тексту Лицо №1/, Хаутиев Б.А., Саутиева З.М. и другие лица». Далее, реализуя задуманное, указанные лица в целях создания и реализации условий для совершения преступлений экстремистской направленности, и иных противоправных действий, совместно разработали преступный план и распределили между собой преступные роли. Указанное экстремистское сообщество характеризовалось устойчивостью, согласованностью действий участников, сплоченностью, выражавшейся в стабильности его состава, систематичности совершения преступлений экстремистской направленности, контроле над ее членами и поддержании внутренней дисциплины, соблюдением мер конспирации, наличием лидеров и руководителей в лице Ужахова М.М., Барахоева А.О. и Мальсагова М.А., взаимозаменяемостью членов сообщества, строгим подчинением рядовых членов сообщества руководителям, постоянством форм и методов экстремистского сообщества и наличием у них стремления продолжить совместную преступную деятельность. Формами и методами деятельности экстремистского сообщества являлись планирование, подготовка и организация массовых мероприятий, в том числе несанкционированных, создание видеообращений к неограниченному кругу лиц, включающему в себя в том числе жителей Республики Ингушетия, и распространение данных видео в сети Интернет, побуждение граждан к совершению противоправных деяний, воспрепятствование законной деятельности представителей власти. Финансирование экстремистского сообщества осуществлялось путем личных взносов организаторов и участников экстремистского сообщества, не носивших системного характера, предоставления безвозмездно указанными лицами в пользование экстремистского сообщества материальных ценностей – компьютеров, мебели и иных средств, а также посредством поступления в распоряжение руководителей экстремистского сообщества денежных средств из иных, неустановленных в ходе следствия источников, в том числе благотворительных пожертвований жителей Республики Ингушетия, не осведомленных о преступном умысле организаторов и участников экстремистского сообщества. С целью повышения эффективности

преступной деятельности созданной организованной группы, были распределены обязанности между членами организации.

Нальгиев И.М., являясь лидером региональной общественной организации «Выбор Ингушетии», принимал активное участие в незаконных протестных акциях, осуществлял взаимодействие по вопросам их проведения и координировал действия волонтеров, состоящих из ингушской молодежи, а также освещал деятельность сообщества в средствах массовой информации». При этом, суд, утверждая, что Нальгиев И.М. принимал активное участие в незаконных протестных акциях (множественное число), то есть принимал участие неоднократно) до событий 27.03.2019 г. лично и персонально, как участник массовых мероприятий общественно-политического характера, выполнявший какую-либо отведенную ему преступную роль, в приговоре не назван. Согласно текста приговора, примерно в 04 часа 40 минут 27.03.2019 года, находясь на площади перед зданием НТРК «Ингушетия», расположенным по адресу: Республика Ингушетия, г. Магас, пр-т И. Зязикова, д. 15, руководители и участники экстремистского сообщества – подсудимые, Лицо №1, а также другие организаторы незаконного митинга, испытывая чувство политической вражды к действующему Главе Республики Ингушетия Евкурову Ю-Б.Б. и не желая выполнять законные требования представителей власти, находящихся при исполнении своих должностных обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, и прекращать свою противоправную деятельность, выражающуюся в умышленном нарушении требований ст. 20.2 КоАП РФ, осознавая при этом возможность применения к ним и присутствующими в том же месте участникам несогласованного митинга лицам силовых методов пресечения противоправных действий в связи с отказом от выполнения их законных требований, поняли, что своими незаконными действиями они создали условия для реализации их совместного преступного умысла, а именно: непосредственному причинению участниками несанкционированного митинга вреда здоровью представителям власти, в связи с исполнением ими своих должностных обязанностей, а также созданию условий для последующего продолжения несогласованного публичного мероприятия в форме митинга до момента выполнения выдвинутых ими требований, привлечению максимального количества новых участников из числа жителей Республики Ингушетия и внимания средств массовой информации, создание большого общественного резонанса, позволяющего им выразить в широкую общественность чувство политической вражды к действующему Главе Республики Ингушетия Евкурову Ю-Б.Б. В точном соответствии с обвинительным заключением в приговоре описаны «преступные» действия Нальгиева И.М. в ходе последовавших событий. Нальгиев И.М., якобы обладая значительным политическим и общественным авторитетом среди населения, полученным в

связи с активной оппозиционной политической деятельностью «осуществил психологическую мотивацию и стимулирование участников несогласованного митинга, с целью их неподчинения законным требованиям представителей власти, находящимся при исполнении своих должностных обязанностей и применения к ним насилия, в связи с исполнением ими своих обязанностей, а именно провокационно взывал к их мужскому достоинству и национальному единству, манипулируя тем самым этническими обычаями, и своим присутствием демонстрировал в качестве примера для остальных стойкость в своих радикальных политических убеждениях, решимость в их отстаивании и готовность применения для этого физической силы, в целях возбуждения агрессии у населения Республики Ингушетия, упоминал исторические факты о депортации ингушского народа с исторической родины и имеющиеся неразрешенные проблемы административно-территориального устройства Республики Ингушетия, координировал происходящие события в целях недопущения прекращения сопротивления, открыто и цинично демонстрировал свою политическую вражду к действующему Главе Республики Ингушетия Евкурову Ю.Б.Б. и поддерживал среди окружающих участников несогласованного митинга агрессивные настроения обещаниями скорого прибытия им на помощь для оказания физического сопротивления представителям власти большого количества новых участников из числа жителей Республики Ингушетия».

Иных данных и обстоятельств совершения Нальгиевым И.М. преступлений, за которые он осужден, описательно-мотивировочная часть приговора не содержит. Нальгиев И.М. в судебном заседании дал показания, согласно которым на митинге 26.03.2019 г. он занимался вопросами обеспечения питания и подвоза воды, а также оказания медицинской помощи, если она потребуется. Столкновения граждан с сотрудниками правоохранительных органов возникли стихийно, как реакция на меры по вытеснению с площади. Сам он насилия не применял, а только содействовал умиротворению протестующих. До 27.03.2019 г. участия в несанкционированных массовых публичных мероприятиях не принимал, за участие в мероприятии 26.03.2019 г. после окончания разрешенного времени был привлечен к административной ответственности.

1. Несоответствие выводов доказательств, рассмотренными в судебном заседании суда первой инстанции.

В качестве доказательств вины участия Нальгиева И.М. в экстремистском сообществе, и в организации применения насилия в отношении представителей власти в приговоре указаны:

Факты, на которые ссылается суд:

- Показания потерпевших, личности которых, что установлено в судебных заседаниях, засекречены без их ведома и желания, а также выводы заключений судебно-медицинских экспертов.

Установленные факты:

Ни один из потерпевших не назвал и не мог назвать Нальгиева И.М. лицом, организовавшим (принявшим участие в организации) насилие против сотрудников правоохранительных органов, поскольку, во-первых, не был с ним знаком, во-вторых, каждый из потерпевших претерпел физический или моральный вред от действий иных лиц, которые уже понесли уголовную ответственность за совершенные ими преступления.

Факты, на которые ссылается суд:

- Показания свидетелей.

Установленные факты:

Ни один из допрошенных, как в ходе судебного следствия, так и в ходе предварительного следствия, свидетелей не дал показаний, изобличающих Нальгиева И.М. в участии в экстремистском сообществе и организации насилия в отношении представителей власти. Более того, свидетель Абадиев И.У. указал, что Нальгиев И.М. «сам по себе никто» (в числе остальных). Свидетель под псевдонимом Евлоев Аслан (то есть анонимный) показал, что Нальгиев подходил к людям, о чем-то с ними разговаривал, о чем именно, он не слышал, но потом люди говорили, что надо стоять до конца и не расходиться, соответственно, сослаться на конкретный источник осведомленности не смог. Свидетель под псевдонимом Иванов Сергей (то есть анонимный) показал, что «вся эта молодежь организована и действует непосредственно под влиянием авторитетных лидеров этого протестного движения, потому что постоянно к ним обращались, давали какие-то указания, но это, как по его мнению, так как он не знает ингушский язык и о чем они с ними общались сказать не может, но это выглядело, как своего рода указания, были какие-то высказывания, когда молодежь постоянно поддерживала, было видно, что лидеры протестного движения руководили всем этим процессом и в основном всё строилось на их указаниях. Таким образом, анонимный свидетель выразил лишь предположение, поскольку не знает ингушский язык, не указав при этом, какие конкретные указания давались, не назван и Нальгиев И.М., который такие указания якобы «давал», как лидер).

Факты, на которые ссылается суд:

- Протоколы следственных действий и иные документы которые признаны судом доказательствами.

Установленные факты:

Ни один из исследованных судом протоколов следственных действий или иных документов не указывает на виновность Нальгиева И.М., а все они исключают его причастность к совершению преступлений, за которые он осужден. Напротив, все протоколы следственных действий и иные документы, свидетельствуют об обратном:

-Протокол осмотра предметов (документов) от 11-24.05.2019 года, согласно которому с участием переводчика осмотрен видеофайл «Магас утро 10000000_664256243993960_8898867385484271465_n (1)», содержащийся на внешнем жестком диске «Seagate» емкостью 3 ТБ, который признан вещественным доказательством и осмотрен в судебном заседании, на котором запечатлены обстоятельства несанкционированного митинга проходившего 27.03.2019 года на площади перед зданием НТРК «Ингушетия», расположенном по адресу: Республика Ингушетия, г. Магас, проспект им. И. Зязикова, д.15, после применения насилия к сотрудникам росгвардии, в том числе содержатся выступления

организаторов митинга, подсудимых Мальсагова, Барахоева, Поговрова, Нальгиева, Ужахова и Хаутиев, **при этом они просят митингующих успокоиться, слушать их, не кидать стулья и не драться. То есть Нальгиев И.М., в числе остальных осужденных, просил митингующих успокоиться и не драться после первого столкновения с сотрудниками правоохранительных органов;**

- Протокол осмотра предметов от 15.05.2019 года, согласно которому осмотрен компакт-диск прилагаемый к ответу из ПАО «Мегафон» от 18.04.2019 года за исх.:№174/91830, а также сопроводительное письмо №157/5/2608 от 16.04.2019 года, содержащее детализацию телефонных соединений обвиняемого Нальгиева И.М., согласно которому абонентские номера «8-928-794-27-99» и «8-928513-90-03» находящийся в пользовании Нальгиева И.М. в период с 18:19 26.03.2019 года по 09:15 27.03.2019 года периодически находились в зоне действий станции ПАО «Мегафон», а именно в Республике Ингушетия, г. Магас, проспект им. Зязикова, 14 здание Правительства Республики Ингушетия. **Данный факт не свидетельствует о виновности Нальгиева И.М., а лишь подтверждает, что он находился 27.03.2021 г. в указанном месте, что ни им, и никем другим не отрицается.**

-Протокол обыска от 03.04.2019 года, согласно которому проведен обыск в домовладении, расположенном по адресу: Республика Ингушетия, с.п. Сурхахи, ул. Нальгиева, д.8, по месту жительства обвиняемого Нальгиева И.М., в ходе которого изъят мобильные телефоны, в том числе «YSTERS» с надписью в виде наклейки «Исмаил Н. +79640567680», а также бейдж с надписью, «Общественная безопасность», протоколом осмотра предметов от 12.06.2019 года, согласно которому осмотрен бейдж с надписью, «Общественная безопасность» изъятый 03.04.2019 года в ходе обыска по месту жительства Нальгиева И.М. по адресу: Республика Ингушетия, с.п. Сурхахи, ул. Нальгиева, д.8. **Обнаруженный бейдж с надписью «Общественная безопасность» подтверждает показания Нальгиева И.М. и Чемурзиева Б.А. о том, что Нальгиев И.М., согласно заявке, поданной ранее на проведение митинга, был ответственным за порядок на предстоящем мероприятии;**

-Протокол осмотра предметов от 17.10.2019 года, согласно которому осмотрен мобильный телефон марки «SAMSUNG» модель «SM-J510FN/DS» изъятый 11.05.2019 года в ходе выемки у Нальгиева И.М. В ходе осмотра указанного мобильного телефона в файле под названием «_» датированным 16.04.2019 года, содержится документ на одном листе формата «Microsoft Word» с печатным текстом на русском языке следующего содержания: «План действий по урегулированию кризиса в Ингушетии 1. Освобождение всех задержанных по административным и уголовным делам и прекращение дальнейших преследований участников протестных акции. 2. Объявление моратория на действие Соглашения об установлении границы между РИ и ЧР от 26.09.18г. Принятия плана действия по разрешению ситуации со спорными территориями. 4. Внесение поправки в Конституцию Республики Ингушетии и принятие республиканских законов о прямых выборах Главы Республики Ингушетия. 5. Отказ от проведения акции протеста до проведения прямых выборов Главы Республики Ингушетия 8 сентября 2019 года.». В файле под названием «_____ -3», датированным 12.04.2019, содержится документ на десяти листах формата «Microsoft Word» с печатным текстом на русском языке в виде таблиц в которых указана «Информация по арестованным в связи с проведением протестных акции 26-27 марта 2019» с

указанием анкетных данных обвиняемых Ужахова А.О., Мальсагова М.А., Чемурзиева Б.А., Хаутиева Б.А., и других обвиняемых. Информация о содержащих в изоляторе временного содержания, сведения о проведенных обысках силовыми структурами, сведения о лицах, привлеченных к административной ответственности. В файле под названием «1555515959878_ _» датированным 17.04.2019 содержится документ на четырех листах с печатным текстом на русском языке следующего содержания: «Заявление Ингушского комитета национального единства». В заявлении в том числе указано о том, что главным пунктом переговоров должно стать освобождение без каких-либо условий политических заключенных, которые находятся в местах содержания по обвинениям в участии событиях 27 марта 2019 г. Для снижения протестного накала, необходимо незамедлительное принятие депутатами Народного Собрания РИ законов о смешанной системе выборов в парламент и прямых выборах главы региона, сохранение в Законе о референдуме нормы об обязательности его проведения по жизненно важным для народа вопросам. Необходимо наметить план по разрешению ситуации, связанной с незаконной передачей части территории республики в соответствии с Соглашением от 26 сентября 2019 года. **Указанные протоколы фиксируют события за пределами тех, которые произошли 27.03.2019 г. и свидетельствуют об активной гражданской позиции Нальгиева И.М. по вопросам урегулирования сложившейся ситуации, и никак не могут быть доказательствами его виновности или попытками уйти от ответственности;**

- Протокол осмотра предметов от 15.10.2019 года, согласно которому осмотрен мобильный телефон марки «Xiaomi» модель «Redmi 6A» изъятый 11.05.2019 года в ходе выемки у обвиняемого Нальгиева И.М., в котором содержится видеозапись на которой изображён Нальгиев, который поздравляет всех с наступлением священного месяца рамадан от имени Ингушского комитета национального единства, а именно Барахоева А., Ужахова М., Чемурзиева Б., Мальсагова М., Хаутиева Б. и от имени всех братьев которые находятся в СИЗО. **Поздравление с праздником, который почитают более 1,5 млрд. человек в мире, еще никогда не было преступным;**

- Постановление Магасского районного суда Республики Ингушетия от 03.04.2019 года, из которого следует, что за участие в несанкционированном митинге, прошедшем 26.03.2019 года в г. Магас Республики Ингушетия к административной ответственности по ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ привлечен Нальгиев И.М. и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 20 000 рублей. **Привлечение Нальгиева И.М. к административной ответственности за события 26.03.2019 г. не может быть доказательством его виновности в совершении уголовных преступлений, поскольку состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ может быть учтен в качестве преюдиции для уголовной ответственности только по ст. 212.1 УК РФ только в случае нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 20. 2 КоАП РФ более двух раз в течение ста восьмидесяти дней. Нальгиев И.М. к административной ответственности ранее не привлекался;**

- Уведомление общественного движения «Опора Ингушетии» № 1 от 14.03.2019 года, согласно которому председатель общественного движения «Опора Ингушетии» Чемурзиев Б.А. уведомил Правительство Республики Ингушетия о проведении мероприятия регионального значения в период с 26.03.2019 года по 28.03.2019 года. Ответственный за обеспечение общественного порядка – Нальгиев И.М. **Документ подтверждает факт подачи уведомления о проведении мероприятия в установленном законом порядке, в котором Нальгиев И.М. указан, как лицо, ответственное за обеспечение общественного порядка;**

- Предостережение Прокуратуры Р.И. о недопустимости нарушения закона 21.03.2019 года, из которого следует, что Нальгиеву И.М. объявлено предостережения в связи с призывами в сети «интернет» к жителям Ингушетии собраться для проведения митинга 26 марта 2019 года за пределами установленного Правительством Республики Ингушетия места, а именно в г. Магасе, в то время как на момент указанных призывов митинг был согласован в г. Назрани РИ. Данное предостережение объявлено под роспись Нальгиеву И.М. 22.03.2019 года. **Фактически же публичное мероприятие состоялось 26.03.2021 г. в согласованном властями месте в г. Магасе.**

Факты, на которые ссылается суд:

«Показания допрошенных в судебном заседании свидетелей Маммаева Б.А., Абадиева И.У., Абадиева М.Б., Евлоева У.С., Амриевой А.С., Барахоева Х.Н., Ужахова А.С., Погорова И.М., Погорова Б.М., Костоева Т.А., Нальгиева Р.Х., Оздоева З.И., Кучиева Б.Д., Мизиева Х.М., Омарова М.Б., Гагиева И.Я., Шамхоева М.С., Сутыгова И.С., данные ими в ходе судебного заседания, о невиновности подсудимых в совершении инкриминируемых им преступлений, поскольку, во-первых, они опровергаются их собственными показаниями данными на предварительном следствии, согласно которым перед допросом им были разъяснены их процессуальные права, обязанности, а также ответственность за дачу ложных показаний, каждый из них прочитал протокол и подписал его без каких-либо замечаний к его содержанию, на недозволенные методы допроса названные свидетели не ссылались, а во-вторых, показания названных свидетелей данные ими на стадии предварительного следствия полностью согласуются с показаниями других свидетелей допрошенных по делу и дополняют их»

Установленные факты:

Ни один из этих свидетелей не указал на Нальгиева И.М, как на возможного участника экстремистского сообщества или организатора применения насилия, более того, Нальгиев И.М. упоминается только однажды в показаниях Абадиева И.У., что было отмечено выше.

2. Выводы суда первой инстанции носят вероятностный характер.

В статье 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации провозглашен конституционный принцип, согласно которому подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Согласно позиции суда, «указанный

принцип как направлений на защиту прав, свобод и охраняемых законом интересов обвиняемого, еще не означает, что сторона защиты освобождается от всякой обязанности разумным образом обосновать свои доводы, направленные на защиту подозреваемого или обвиняемого. Указанные доводы, во всяком случае, должны соответствовать стандарту "минимальной разумности" существования определенных обстоятельств либо фактов, опровергающих предъявленное обвинение. Между тем, указанная версия защиты не достигает даже этого минимального стандарта».

В развитие этого весьма неоднозначного вывода суд приводит собственный анализ событий, в целом, заимствованный из обвинительного заключения, указывая, что:

- «во-первых, судом установлено, что еще до проведения митинга 14 марта 2019 года заместитель председателя правительства РИ Сукиев А.А. публично на НТРК «Ингушетия» обратился к жителям и пояснил причины, по которым в законопроекте отсутствует вышеуказанный абзац, признал, что это техническая ошибка и сообщил, что данный законопроект отозван, то есть цель митинга, которую подсудимые преследовали организовывая его, уже была достигнута, а потому в его проведении по сути уже не было необходимости, однако, подсудимые, достоверно зная об этом, не объявили об отмене митинга, напротив, продолжали агитировать людей принять в нем участие,

-во-вторых, на указанном митинге подсудимые своими действиями и призывами, а также сообщением заведомо недостоверной информации, в частности о том, что РИ утратит свой суверенитет, а ее территория будет распределена между другими субъектами РФ, стали накалять обстановку, побуждая митингующих занять агрессивную и враждебную позицию по отношению к действующему правительству и главе республики с целью его смещения с занимаемой должности,

-в-третьих, на данном митинге организаторы – подсудимые продолжали обвинять главу РИ в коррупции, продаже земли и требовали его отставку,

-в-четвертых, доводы защиты о том, что после 18 часов 26 марта 2019 года подсудимые обратились к присутствующим с просьбой разойтись в связи с окончанием времени, отведенного на митинг, ничем объективно не подтверждены, а, напротив, опровергаются фактическим регламентом проведения митинга, который не был представлен в правительство, а был изъят у подсудимых в ходе предварительного следствия,

-в-пятых, версия защиты о том, что подсудимые хотели прекратить митинг и распустить людей, однако люди их не слушались, также опровергается их непосредственными действиями. Так, по окончании времени санкционированного митинга они не организовали демонтаж и погрузку оборудования, использованного на митинге /не убрали стулья, на которых днем сидели старейшины, звукоусиливающую аппаратуру, подиум, на котором выступали люди и т.д./, и сами не покинули митинг, с целью дать понять оставшимся, что митинг окончен,

-в-шестых, версия подсудимых о том, что люди их не слушались, также является надуманной, и опровергается видеозаписями произошедших 27 марта 2019 года событий, согласно которым митингующие слушали высказывания подсудимых, реагировали на их призывы, выполняли их действия и всяческим образом одобрительно поддерживали их негативные высказывания, направленные

в сторону главы республики. Таким образом, если бы подсудимые действительно не имели влияния на митингующих, то очевидно на их просьбу разойтись, последние не отреагировали бы. Таким образом, указанные обстоятельства безусловно свидетельствуют о том, что подсудимые полностью манипулировали и управляли действиями митингующих на площади, в целях реализации их преступного умысла, направленного на организацию причинение насилия к представителям власти».

Здесь и далее суд делает выводы вероятностного характера, не нашедшие своего подтверждения в ходе судебного следствия, которые не могут быть положены в обвинительного приговора, поэтому будет уместным парировать некоторые из них собственными:

- возможное изменение повестки предстоящего мероприятия не исключает его проведения в иной общественно-значимой повестке;
- подсудимые на митинге не накаляли обстановку на митинге, побуждая митингующих занять агрессивную и враждебную позицию;
- требовать отставки Главы республики – это право любого гражданина, поскольку это право предоставлено Конституцией РФ;
- поддерживать неодобрительные высказывания в адрес руководства республики – это право тех лиц, которые эти высказывания одобряет;
- нет никаких доказательств того, что подсудимые полностью манипулировали и управляли действиями митингующих на площади, в целях реализации их преступного умысла, направленного на организацию причинение насилия к представителям власти;
- люди всегда приходят на митинги, потому что они узнали об этом из каких-то источников, даже на те митинге, которые организуют власти;
- подсудимые не провоцировали граждан на совершение противоправных и преступных действий, потому что в деле отсутствуют доказательства совершения кем-либо таких действий до 27.03.2019 г.;
- достижение преступного умысла организаторами и участниками экстремистского сообщества к 27.03.2019 г. находится за гранью доказывания, основанной на фактах, и является исключительно следственной и судебной фантазией;
- граждане РИ выходили на митинги исключительно по собственной воле, а не по принуждению;
- доказательств финансирования экстремистского сообщества всеми его «членами» суду не представлено;
- **утверждение, что «судом установлено, что подсудимые создали сообщество с целью подготовки и совершению преступлений, после чего длительное время вели подготовку к организации применения насилия к представителям власти» не основано на материалах дела и доказательствах;**
- вывод о том, «только 27 марта 2019 года при описанных в настоящем приговоре обстоятельствах они, осознавая, что подходящие условия для его совершения ими созданы, они не заново вступили в сговор, а лишь определили, какие конкретно действия в созданных ими условиях будет совершать каждый из них» противоречит фабуле обвинения и судом в приговоре не мотивировано;
- судом не устанавливалось и не установлено, «что организаторы и участники экстремистского сообщества использовали меры конспирации, тщательно скрывали свои истинные намерения, действовали от имени различных общественных организаций, тем самым скрывая согласованные действия и наличие у них единого

умысла, поэтому органу следствия не удалось с точностью установить точное время и место создания сообщества, а также вхождению в него иных участников», и фактическое отсутствие указанных сведений препятствует защищаться от обвинения в создании и участии в экстремистском сообществе, несмотря на то, что суд считает иначе;

- «подсудимый *Нальгиев* в период существования экстремистского сообщества не привлекался к административной ответственности за участие в несанкционированных митингах, не является доказательством непричастности его к участию в экстремистском сообществе, как об этом ошибочно полагает сторона защиты, поскольку для квалификации его действий не имеет значение, привлекался он или нет к административной ответственности, а его непосредственные действия в составе сообществ, описанные в настоящем приговоре, достоверно свидетельствуют о его участии в сообществе, наличие которого доказано в судебном заседании». **Выше подробно изложены доказательства, на которые суд ссылается в подтверждение виновности Нальгиева И.М., и, которые, по сути, отсутствуют, поскольку не указаны конкретно, а исключительно и одним абзацем списаны с обвинительного заключения;**

- «судом установлено, что умысел на организацию применения насилия подсудимые доносили не до конкретных лиц, а до лиц, находящихся на площади, и не призывали к применению насилия публично, а лишь настраивали людей не подчиняться требованиям сотрудников, не покидать площадь и стоять до конца, достоверно понимая, что при силовом вытеснении люди будут сопротивляться и применять насилие к представителям власти, и часть людей, находящихся на площади, своим фактическим поведением и действиями поддержала призывы подсудимых, и применили насилие к представителям власти, тем самым способствовали реализации их умысла и достижению противоправного результата».

Не поддается разумному объяснению, как можно донести умысел» не до конкретных лиц, а до лиц, находящихся на площади», если эти лица и есть те самые конкретные! Утверждение о «достоверном понимании» - не основано на фактах, а является предположением судьи, фактически с целью помочь безграмотному описанию состава преступления в целом, и умысла, в частности, которые представлены стороной государственного обвинения;

- «именно поэтому в данном деле нет очевидцев того, как кто-то из подсудимых индивидуально организовывал конкретных лиц и руководил их действиями, направленными на применение насилия к представителям власти». **Все, кто находился на площади, являются очевидцами, и если нет очевидцев тем выводам, которые сделал суд, значит и нет оснований для таких выводов, в противном случае единственным очевидцем является сам суд;**

- не выдерживает никакой критики описание действий экстремистского сообщества с указанием его сущностных черт, указанных в УК РФ. Сплоченность, устойчивость, распределение ролей, конспирация и прочее – старательно скопированы из обвинительного заключения. В отношении *Нальгиева И.М.* указано, без указаний времени и места, а также подробностей и без анализа доказательств, что «он принимал активное участие в незаконных протестных акциях, осуществлял взаимодействие по вопросам их проведения и координировал действия волонтеров, состоящих из ингушской молодежи, а также

освещал деятельность сообщества в средствах массовой информации». Какие незаконные протестные акции? Какое взаимодействие и с кем? Координация действий каких волонтеров и при каких обстоятельствах? Освещение деятельности в СМИ – какие СМИ, в какие даты, как освещал? Эти вопросы поставлены, но остались без ответа, лишь умелой рукой они превращены в утверждение без доказательств.

Таким образом, резюмируя в этой части, следует сказать, что тезис суда о стандартах «минимальной разумности», а в особенности его развитие в приговоре и выводы не выдерживают никакой критики. **Уголовно- процессуальный закон не накладывает на сторону защиты и обвиняемого обязательств в виде неких стандартов «минимальной разумности». Сторона защиты не должна опровергать версию обвинения, напротив, сторона обвинения обязана доказать обоснованность обвинения.**

Суд, транслируя императивные нормы уголовно-процессуального закона, отмечает, что *«обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого».* **Исходя из этого, собственные выводы суда построены исключительно на противоречиях и неустранимых сомнениях, поэтому должны трактоваться в пользу Нальгиева И.М.**

3. Отсутствие составов преступлений, за которые осужден Нальгиев И.М.

Обвинительным выводом суда является то, что Нальгиев И.М. в период с мая 2018 года по март 2019 года, в результате участия в деятельности экстремистского сообщества, направленной на обострение политической обстановки, в целях дестабилизации деятельности органов власти, принял участие в совершении различных преступлений экстремистской направленности, а именно преступлений, направленных на применение насилия к представителям власти, руководство некоммерческой организацией, а также участие в ее деятельности, сопряженной с побуждением граждан к совершению иных противоправных деяний, а также пропаганда таких деяний, совершенные по мотивам политической вражды, то есть предусмотренные ч. ч. 1, 2 ст. 318, ч. ч. 2, 3 ст. 239 УК РФ. **Возникает вопрос, почему указано, что Нальгиев И.М., как и остальные приняли участие в преступлениях экстремисткой направленности, начиная с мая 2018 г., но сами эти преступления не названы? Ст. 239 УК РФ Нальгиеву И.М. не вменена, а события, по которым граждане привлечены к уголовной ответственности по ст. 318 УК РФ, случились лишь однажды, 27 марта 2019 г.**

Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. N 11 «О судебной практике по уголовным делам экстремистской

направленности» Исходя из положений примечания 2 к статье 282.1 УК РФ к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (например, статьями 280, 280.1, 282 и т.д., а также иные преступления, совершенные по указанным мотивам, которые в соответствии с пунктом «е» части 1 статьи 63 УК РФ признаются обстоятельством, отягчающим наказание».

Ни одним из подсудимых по настоящему делу такие преступления не совершались, совершение административного правонарушения, например, за которое понес наказание Нальгиев И.М. за участие в несанкционированном мероприятии после 18 часов 26 марта 2019 г., преступлением не является. **Предполагать подготовку кем-либо из подсудимых событий 27 марта 2019 г. не просто абсурдно, но и процессуально неграмотно, поскольку невозможно создать, руководить и участвовать в экстремистском сообществе за год до событий, которых могло и не быть.**

При производстве по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности согласно пункту 2 части 1 статьи 73 УПК РФ подлежат доказыванию мотивы совершения указанных преступлений. Преступления, совершенные по мотивам политической ненависти или вражды следует отграничивать от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений. Для правильного установления мотива преступления следует учитывать, в частности, длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие с ним конфликтов, не связанных с национальными, религиозными, идеологическими, политическими взглядами, принадлежностью к той или иной расе, социальной группе.

Признание потерпевшими по настоящему делу 57 сотрудников правоохранительных органов означает, что у «организаторов» насилия по отношению к ним должны были быть и мотивы такой организации. Личные неприязненные отношения исключены, эти люди никогда не видели друг друга до этого, не увидят и после. Предполагать мотив политической вражды и ненависти к ним еще более затруднительно, а навязываемая обвинением политическая ненависть к Евкурову никак не может быть реализована в отношении пострадавших. Это лишний раз доказывает невозможность избранной обвинением квалификации, поскольку невозможно установить мотив и цель такого преступления.

Согласно п. 12 Постановления Пленума «под экстремистским сообществом следует понимать устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, характеризующуюся наличием в ее составе организатора (руководителя), стабильностью состава,

согласованностью действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений. Обвинением не представлено суду никаких доказательств того, что Ужахов М.М., Барахоев А.О., Мальсагов М.А., Нальгиев И.М., Чемурзиев Б.А., Хаутиев Б.А., Саутиева З.М. такую группу когда-либо создали или вступили в нее, чтобы совершить преступление на митинге, повода для проведения которого в момент создания не было и не могло быть. Гипотетическое создание сообщества в мае 2018 г. бессмысленно, поскольку все основные и значимые события в Ингушетии случились в сентябре, а массовые мероприятия осени 2018 г. носили мирный характер и были санкционированы властями.

Более того, уголовная ответственность по [статье 282.1](#) УК РФ за создание экстремистского сообщества, руководство им, или за участие в нем может наступить только в случаях, когда организаторы, руководители и участники этого сообщества объединены умыслом на подготовку либо совершение преступлений экстремистской направленности при осознании ими общих целей функционирования такого сообщества и своей принадлежности к нему. **Возможно мы вынуждены повторяться, но «бежать впереди паровоза» еще никому не удавалось. В отличие от факультативных мотива и целей, умысел не может быть направлен на совершение действий, в событиях, предположить которые невозможно – случатся они или нет.**

Участие в экстремистском сообществе предполагает вхождение в состав такого сообщества с намерением участвовать в подготовке или совершении одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, участие в подготовке к совершению указанных преступлений экстремистской направленности и (или) непосредственное совершение таких преступлений, а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (снабжение информацией, ведение документации и т.п.).

Собственно говоря, поэтому обвинение по ч. 2 ст. 318 УК РФ мало чем отличается от того, которое реализовано по ч. 2 ст. 282.1 УК РФ. Разница только в том, что в этом случае указаны только события 27 марта. Согласно приговору Нальгиев И.М. лично не применял насилия в отношении представителей власти, но руководил совершением преступления. Разумен вопрос, в каких именно действиях выразилось это руководство. Как можно организовать стихийно возникшее противостояние, к которому никто не был готов? Как можно руководить кратковременной вспышкой гнева других людей (нескольких десятков людей), которая так же быстро закончилась, как и случилась? Где значимые факты и доказательства, подтверждающие как руководство совершением преступления, так и действия из чувства политической вражды к действующему Главе Республики Ингушетия Евкурову Ю.Б.Б.

Роль организатора совершения преступления и руководство им, указанная в норме ч. 3 ст. 33 УК РФ, предполагает, что организатор и

руководитель осуществляет действия, необходимые для наступления преступного результата – это, как минимум, поиск исполнителей разработка плана не только собственных действий, но и иных соучастников, выбор времени и места совершения преступления.

Объективный (качественный) признак соучастия предполагает совместность действий соучастников, т.е. направленность действий на совершение общего для соучастников преступления, взаимообусловленность и взаимодополняемость действий.

С объективной стороны подсудимыми такие действия не совершались. У так называемых организаторов физически не было и не могло быть возможности реализовать некий предварительный сговор на оказание сопротивления и применение насилия:

- отсутствуют доказательства встречи соучастников-организаторов для обсуждения плана,

- отсутствуют доказательства агитации участников митинга предыдущего дня, их склонения и подготовки к нападению на сотрудников правоохранительных органов,

- отсутствуют доказательства изыскания и подготовки орудий и средств совершения преступлений, предусмотренных ст. 318 УК РФ, вред, который был причинен полицейским впоследствии, случился с помощью предметов, использовавшихся накануне на митинге, или и вовсе мускульной силой оборонявшихся граждан,

- отсутствуют доказательства психологического воздействия и стимулирования участников мероприятия, да и что означает «должен», в применении к описанию деяния Нальгиева И.М.? Ничем не подтверждаемый вывод о должном преступном поведении означает, что это поведение все-таки имело место или оно планировалось в таком виде? В таком случае, при распределении преступных ролей Нальгиев И.М. должен был получить указание этим заниматься от «главарей», обойти ратников, провести политинформацию, построить дружины (а мы помним, да, что вся дружина 39 человек), держать некий флаг политической вражды в главе республики, да вдобавок иметь разведанные о скором прибытии подкрепления. И все это в какие-то минуты.

С субъективной стороны никакой критики не выдерживает формулировка цели преступления – «создание возможности последующего продолжения несогласованного публичного мероприятия в форме митинга до момента выполнения выдвинутых ими требований». Уголовный закон предполагает построение логических конструкций, основанных на фактах, в том числе, и при описании факультативных признаков субъективной стороны. Как можно предположить, что применение насилия кучкой оставшихся на площади на ночь людей к многочисленным отрядам полицейских создаст возможность продолжить несогласованный митинг???

Ведь очевидно для всех, и опыт последнего российского десятилетия это неоднократно доказывает, что несанкционированное мероприятие всегда заканчивается «вытеснением», потом задержаниями и привлечением к ответственности. И никогда короткие и единичные столкновения граждан с росгвардейцами не создавали возможности продолжить митинг, не имели и не могли иметь такой цели.

По делу допрошено ____ засекреченных потерпевших, ни один из которых «не указал» пальцем на Нальгиева И.М. и остальных как на организаторов насилия или утверждал о знании фактов об экстремистской организации. В настоящем уголовном деле эти потерпевшие фактически являются «назначенными» в силу применения нормы ч. 3 ст. 33 УК РФ, поскольку все эти люди пострадали от действий других лиц, тех самых 39, которые уже осуждены за отдельные и не связанные с собой преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 318 УК РФ (один по ч. 2).

Допрошено 38 свидетелей обвинения, которые, как в один голос, говорят о миротворческом характере действий подсудимых в событиях вечера 26 марта и утра 27 марта 2019 г. Свидетели обвинения не были никогда, а в судебном процессе превратились в свидетелей защиты и оправдания. Чего тогда уже говорить о допрошенных 108 свидетелях защиты, многие из которых были непосредственными участниками митинга, утверждающих о фактах непричастности подсудимых к инкриминируемым им преступлениям.

Примечательно и то, что сторона обвинения фактически устранилась от вызова и допроса еще 91 свидетеля, что очевидным образом подтверждает отсутствие в их следственных показаниях каких-либо обвинительных данных.

Именно поэтому Нальгиев И.М. при ознакомлении с материалами уголовного дела указал, что все свидетели обвинения являются одновременно и свидетелями защиты.

Прения сторон предполагают публичный обмен мнениями, спор, по результатам проведенного судом судебного следствия. В этом смысле нам не о чем спорить со стороной обвинения и в части материальных доказательств виновности Нальгиева И.М. Таких стороной обвинения суду не представлено. Ни одного. Осталось только спорить с состоявшимся приговором, но и там бессмысленно пусто и бездоказательно, либо надумано и вероятно.

Таким образом, единственным доказательством виновности всех подсудимых в целом, и Нальгиева И.М., в частности, является сама лексема «виновен».

Мы же склонны считать, что граждане, когда они является причиной чего-либо нежелательного для власти, в нашем случае – реализация ими законных демократических процедур и выражение мнений в виде мирного протеста – всегда приводит к выводу о виновности. Но правильнее, не когда погода плохая от больной головы, а когда голова болит от плохой погоды.

Ранее я говорил, что любой обвинительный приговор по этому делу не будет основан на доказательствах, представленных в судебном процессе, потому что доказательства виновности отсутствуют. Так и случилось.

Согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11. 2016 № 55 «О судебном приговоре», по уголовному делу в отношении нескольких подсудимых или когда подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, приговор должен содержать анализ и оценку доказательств в отношении каждого подсудимого и по каждому обвинению. **Приговор Кисловодского городского суда от 15.12.2021 г. такого анализа не содержит, оценка доказательств не индивидуализирована. Действия каждого из осужденных согласно предъявленного обвинения и вынесенного приговора носили персонифицированный характер, но судом в отношении Нальгиева И.М. дана оценка доказательств, которые не являются относимыми.** П. 17 указанного Постановления гласит, что « силу принципа презумпции невиновности обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, а все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих (формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т.д.), толкуются в пользу подсудимого».

Считаю, что выводы Кисловодского городского суда выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании; выводы суда, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности Нальгиева И.М., на правильность применения уголовного закона.

Есть все основания для отмены приговора, поскольку суд первой инстанции полностью игнорировал очевидные доказательства невиновности Нальгиева И.М., использовал при постановлении обвинительного решения доказательства, явно противоречащие сути и фабуле обвинения, что и есть несоответствие выводов судов фактическим обстоятельствам дела, им установленным, является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, и это повлияло на исход уголовного дела - на вывод о виновности и юридическую оценку действий, инкриминированных Нальгиеву И.М.

Кроме того, мы уверены в том, что действия Нальгиева И.М. и остальных осужденных в части «совершения» преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 318, ч. 1- 2 ст. 282.1 УК РФ, не могут быть признаны насильственными или направленными на это.

В этой связи будет уместным напомнить, что согласно позиции КПЧ ООН, действия конкретных участников собрания могут быть сочтены насильственными, если органы власти смогут представить достоверные доказательства того, что до или во время мероприятия эти участники подстрекали других к насилию и что такие действия могут привести к насилию, что участники намерены применить насилие и планируют осуществить такие намерения или что насилие с их стороны неизбежно

(пункт 19 Замечаний общего порядка № 37 (2020) о праве на мирные собрания, принятых Комитетом по правам человека ООН)

Также Европейский Суд признавал, что пункт 2 статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривает мало возможностей для ограничения политических выступлений или дебатов по вопросам, представляющим общественный интерес. Если выраженные взгляды не содержат подстрекательства к насилию, иными словами, если они не призывают к применению насильственных действий или кровавой мести, не оправдывают совершение террористических актов для достижения целей своих сторонников и если их нельзя истолковать как потенциальную пропаганду насилия посредством выражения глубокой и иррациональной ненависти к определенным лицам, то Договаривающиеся Государства не должны ограничивать право широкой общественности на получение информации об этих взглядах даже в целях, предусмотренных в пункте 2 статьи 10 Конвенции, то есть в целях защиты территориальной целостности и национальной безопасности и предотвращения беспорядков или преступлений (см. Постановление Европейского Суда по делу «Дилипак против Турции» (*Dilipak v. Turkey*) от 2015 года, § 62).

В деле «Феридун Язар против Турции» (*Feridun Yazar v. Turkey*) Европейский Суд в отношении трех заявителей отметил, что они выражали свое мнение в качестве политиков, но не подстрекали к насилию, вооруженному сопротивлению или восстанию. Таким образом, вмешательство в их право на свободу выражения мнения было необоснованным. Что касается еще одного заявителя, Европейский Суд отметил, что выражения, которые он использовал в своей речи, ставили под сомнение его позицию относительно применения силы в сепаратистских целях. Следовательно, уголовное наказание можно обоснованно считать удовлетворением настоятельной общественной необходимости.. При этом Европейский Суд решил, что характер и строгость назначенных наказаний были несоразмерны преследуемой цели. В деле «Каблис против России» (Постановление от 30 апреля 2019 г., жалобы №№ 48310/16 и 59663, § 54) Европейский Суд указывал, что общий запрет на демонстрации может быть оправдан только в том случае, если существует реальная опасность того, что они приведут к возникновению беспорядков, которые невозможно предотвратить иными менее строгими мерами. В связи с этим органы власти должны принять во внимание последствия запрета на демонстрации, которые сами по себе не представляют опасности для общественного порядка. Только в том случае, если недостаток запрещения таких демонстраций явно перевешивается соображениями безопасности, оправдывающими вопрос о запрете, и если нет возможности избежать таких нежелательных побочных эффектов, вызванных запретом, путём ограничения его масштабов с точки зрения территориального применения и продолжительности, запрет может считаться необходимым в свете пункта 2 статьи 11 Конвенции (см. Христиане

против расизма и фашизма против Соединённого Королевства (Christians against Racism and Fascism v. the United Kingdom), № 8440/78, решение Комиссии от 16 июля 1980 г.).

Выражение мнений по вопросам, представляющим собой предмет общественного интереса, имеет право на надежную защиту, поэтому существует мало возможностей для ограничения политических высказываний или выражения мнений по вопросам, представляющим собой предмет общественного интереса.

Отсутствие предварительного разрешения властей на проведение мирного собрания 27 марта 2019 г. не дает властям полную свободу действий, они по-прежнему ограничены требованиями соразмерности, поэтому тот факт, что фактически нарушен только "запрет на агитацию", сам по себе не является достаточным основанием для вмешательства в его право на свободу выражения мнения, тем более в форме жесточайшего уголовного преследования и назначения в виде длительного лишения свободы.

Привлечение Нальгиева И.М. к уголовной ответственности фактически за участие в организации мирного собрания является излишним в демократическом обществе. Власти проявили нулевую степень терпимости, и их действия не являются адекватными и соразмерными.

Поскольку Кисловодским городским судом судом не была проведена оценка факторов, необходимых для проверки соблюдения ст. ст. 10 и 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, эта норма международного права была нарушена.

Прошу суд отразить в итоговом решении оценку (анализ) вышеизложенной позиции о нарушении Российской Федерацией в отношении Нальгиева И.М. и остальных права на свободу выражения мнения.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в пункте 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года N 55 "О судебном приговоре", в приговоре отражается отношение подсудимого к предъявленному обвинению и дается оценка доводам, приведенным им в свою защиту.

В нарушение вышеуказанных разъяснений какая-либо оценка доводам обвиняемого о том, что он лишь участвовал в организации мирного собрания, судом в приговоре не дана.

Допущенные судом первой инстанции при рассмотрении уголовного дела нарушения уголовно-процессуального закона, повлияли на законность приговора в отношении Нальгиева И.М. на правильность оценки доказательств, применения к нему уголовного закона.

Закрепленный в ст.49 Конституции РФ и ст. 14 УПК РФ принцип презумпции невиновности гласит, что все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, толкуются в его пользу. По смыслу закона в пользу подсудимого толкуются не только неустранимые сомнения в его виновности в целом, но и неустранимые сомнения, касающиеся отдельных эпизодов предъявленного обвинения, формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т.д. (Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29.04.1996 № 1 О судебном приговоре.). Суд обязан неукоснительно соблюдать принцип презумпции невиновности.

Однако, при вынесении приговора по данному уголовному делу и этот принцип был нарушен.

И последнее. Небольшая статистика, так сказать, для информации.

Согласно данных судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2022 г. по ст. 282.1 ч. 1 УК осуждено 5 человек, по ч. 2 – 2. Наказание по ч. 1 у двоих 1-2 года лишения свободы, у одного 2-3, у участника: 1-2 года. В отчете по видам наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) из 10 осужденных организаторов - 5 лишены свободы, 2 осуждены с применением ст. 73 УК, у одного штраф, а у участников - двое лишены свободы, а 9 осуждены условно. Видимо, это не наш случай.

По ч. 2 ст. 318 УК 22 человека получили до 1 года лишения свободы, 97- 1-2, 68 – 2-3, 105- 3-5, и только 6- 5-8.

На основании вышеизложенного, просим Ставропольский краевой суд приговор Кисловодского городского суда от 15 декабря 2021 г. отменить и вынести в отношении Нальгиева И.М. оправдательный приговор.

И.М. Нальгиев

А.В. Сабинин

09.06.2023 г.

